

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-4-284-300

УДК 811.133.1

РУССКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ АНРИ ТРУАЙЯ «ИВАН ГРОЗНЫЙ» И «БОРИС ГОДУНОВ»

Садивова Н.

Цель. Основной целью настоящей статьи является анализ перевода русских исторических реалий в период правления Ивана IV Васильевича и Бориса Годунова на французский язык. Поскольку этот период характеризуется большими структурными и общественно-политическими изменениями в России (оформление централизованного Российского государства, принятие нового Судебника 1550 г. во время деятельности Избранной рады, укрепление армии, завоевание Казанского и Астраханского ханств, начало освоения Сибири и т.п.), то, соответственно, появилось множество новых терминов для их обозначения.

Метод или методология проведения работы. Основным методом исследования является сопоставительный анализ исторических реалий в французских текстах русского эмигранта Анри Труайя («*La Grande Histoire des Tsars*»), которые переведены на русский язык как отдельные произведения «Иван Грозный» (в переводе Е. Сутоцкой) и «Борис Годунов» (в переводе А.Г. Доронина).

Результаты. В результате анализа выявлено, каким образом исторические реалии переводятся с русского на французский язык и наоборот. Приведены собственные варианты перевода и их анализ. Показано, возможно ли вообще переводить так называемую безэквивалентную лексику без потери исходного смысла.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть применены при переводе исторических произведений, а также в процессе обучения различным переводческим приемам.

Ключевые слова: русские исторические реалии; безэквивалентная лексика; перевод; русский язык; французский язык.

RUSSIAN HISTORICAL CULTURE-SPECIFIC WORDS IN THE WORKS OF HENRI TROYAT IVAN THE TERRIBLE AND BORIS GODUNOV

Sadivova N.

Purpose. *The paper is focused on the analysis of the Russian historical culture-specific words of the ruling period of Ivan IV Vasilyevich and Boris Godunov and their translation into French. During this period, Russia was transformed in both structural and socio-political ways (the formation of the Russian centralized state, the reforms of Izbrannaya Rada (Chosen Council), replacement of the Code of law (Sudebnik) of 1497 by the Code of law (Sudebnik) of 1550, the strengthening of the army, the conquest of the Kazan and Astrakhan khanates, the beginning of the Russian conquest of Siberia etc.). Therefore, many new words were created to designate the changes of that time.*

Methodology. *Methodological framework of this paper is based on the comparative analysis of historical culture-specific words in the French texts (“La Grande Histoire des Tsars”) by Russian immigrant Henri Troyat, which were translated back into Russian language as separate works “Ivan the Terrible” (translation by E. Sutotskaya) and “Boris Godunov” (translation by A.G. Doronin).*

Results. *The analysis reveals how historical culture-specific words are translated from Russian into French and vice versa. Also, own examples of possible translation and their analysis are given. Moreover, it is discussed whether it is even possible to translate the so-called non-equivalent lexis without losing the original meaning.*

Practical implications. *The results of the research can be applied in the study of various translation techniques as well as in the translation of historical works.*

Keywords: *Russian historical culture-specific words; nonequivalent lexis; translation; Russian language; French language.*

Взаимопонимание в рамках межкультурной коммуникации является на сегодняшний день одной из самых актуальных проблем. В процессе знакомства с иностранным языком необходимо научиться

понимать и переводить реалии, т.к. их незнание могло бы привести к непониманию коммуникантов [1].

В настоящее время в научной литературе имеются многочисленные определения понятия «реалия». Одним из наиболее распространенных является следующее. Реалии – это специфическая лексика одного языка, не имеющая эквивалентов в других языках из-за различий в культурных традициях, условиях жизни или быта народов. Следует подчеркнуть, что сам термин иногда заменяется другими, близкими по значению терминами – локализм, экзотизм, безэквивалентная лексика, лагуна и др., что зачастую приводит к сужению содержания термина [11]. Отличительной чертой реалий, выступающих в качестве отдельных слов или словосочетаний, является их национально-культурный характер. Ими обозначаются разные объекты быта и культуры, характерные для одного народа, знакомые всем или большинству носителей исходного языка, но чуждые носителям принимающего языка. Их перевод является большой и важной проблемой передачи культурного и исторического своеобразия, т.к. в них содержится национальный колорит, который необходимо сохранить в переводе. С другой стороны, как указывает Ф.М. Турсунов, «все реалии, и в целом безэквивалентная лексика, не могут оставаться всегда в той же роли, в какой находились на начальном этапе» [9, с. 162].

Исторические реалии, т.е. слова или словосочетания, часто используемые в определенный исторический период, встречаются прежде всего у авторов, повествующих о далеком прошлом. При их переводе нужно всегда принимать во внимание эпоху автора, а также эпоху повествования. Переводчик должен создать фон исторической действительности, независимо от исходного языка [16]; выразить верно и полно средствами одного языка то, что было выражено ранее средствами другого языка [10]. Именно «воссоздание единства содержания и формы отличает перевод от иных способов передачи содержания, изложенного на другом языке: пересказа, реферирования и т.п.» [3, с. 9]. Одним из основных требований точного перевода является правильное понимание оригинала. Но полное и глубокое понимание еще не означает умение правильно перевести. Для этого зна-

ния только двух языков недостаточно. Переводчик должен усваивать готовые соответствия между двумя языками и уметь находить их тогда, когда готовых соответствий, подходящих к данному случаю, нет.

Как замечает С. Львов: «Историю языка следует изучать не по переводам, а по оригиналам» [Цит. по: 2, с. 134]. В связи с этим возникает вопрос, способен ли перевод передать смысл реалии, которая знакома практически всем носителям исходного языка, но совсем чужда для других народов, не обладающих достаточными знаниями языка оригинала. Для этого необходимо использовать все виды передачи реалий: транскрипцию, устаревшие слова своего языка, подходящие диалектизмы, заимствования из других языков и т.п.

Автором, на основе произведений которого в данной работе производится анализ перевода исторических реалий, является Анри Труайя. При рождении он носил имя Лев Асланович Тарасов. Родился в Москве во время правления Николая II в 1911 г., но страну вместе с родителями покинул из-за Октябрьской революции. Они уехали во Францию, в Париж, где в 1933 г. Лев Асланович принял французское гражданство и стал писать под именем Анри Труайя, потому что издатели не хотели выпускать книги под иностранной фамилией, чтобы читатель не воспринимал их как переводные. Преимущественно он творил на французском языке.

Автор в своих произведениях «Борис Годунов» и «Иван Грозный» является не только писателем, он переводил уже существующие русские конструкции. Очевидно, что перевод новой работы на иностранный язык с устоявшейся терминологической системой предполагает введение новых терминов в уже определенную структуру обозначений для аналогичных, а также отсутствующих на другом языке понятий [22]. У автора, проживающего вне России, сохранились и развились хорошие знания истории. Но т.к. он писал для французского читателя, он был вынужден искать французские аналоги уже известных ему на русском языке исторических реалий, которые бы являлись непонятными для французского читателя, если бы он не стремился перевести их посредством разных приемов. Основным преимуществом автора можно считать его би-

лингвизм, позволивший автору оперативно находить конкретные соответствия [13]. Однако тот факт, что «у исходных и переводных текстов разные национальные особенности» [17, р. 344], также повлиял на процесс нахождения терминологических эквивалентов.

Предметом настоящей статьи является анализ нескольких приемов передачи реалий, нашедших свое отражение в произведениях «Иван Грозный» и «Борис Годунов» А. Труайя. В упомянутых работах в качестве обозначения правителей часто используется слово *maître* [23], которое в последующих изданиях на русском языке было переведено как «владыка» [7; 8]. Однако, во французском языке для обозначения владыки имеется и более точный вариант *souverain*. Причина заключается в том, что имя существительное *maître* является полисемичным (около 20 значений), а также входит в более чем 50 устойчивых словосочетаний и выражений, которые не ассоциируются с владыкой [15]. Чтобы определить подходящую лексему, способную заменить *maître* и передать мысль автора точнее, воспользуемся семным анализом. Отметим, что для сравнения семантических структур отобраны только те синонимы и семы, которые относятся к понятию власти, т.к. этого требует контекст произведений. Под данный критерий подходят следующие значения слова *maître*: «тот, кто управляет», «тот, кто имеет власть». Перечисленным семам согласно словарю Larousse соответствуют синонимы *chef*, *despote*, *dictateur*, *souverain* [20], но только в последних трех была обнаружена дополнительная сема «тот, кто имеет **абсолютную** власть». Результаты сравнения семантических структур приведены в Табл. 1.

Таблица 1.

Семный состав лексико-семантической группы «*maître*»

	Семы		
	Тот, кто управляет	Тот, кто имеет власть	Тот, кто имеет абсолютную власть
Maître	+	+	–
Chef	+	+	–
Despote	+	+	+
Dictateur	+	+	+
Souverain	+	+	+

Родовыми семемами, свойственными всем единицам анализируемого семантического поля, являются «тот, кто управляет», «тот, кто имеет власть», а дифференциальной семой, отличающей между собой сопоставляемые слова, выступает «тот, кто имеет абсолютную власть». Однако следует отметить, что лексемы *despote* и *dictateur* многозначные. Первое употребляется как для обозначения титула византийского императора, так и для жесткого мужа. Второе применимо к человеку, задающему направление движения (например, *dictateur de la mode*, т.е. «диктатор» моды), а также к должностному лицу в Древнем Риме. Таким образом, из указанных выше лексем для обозначения правителя целесообразно использовать *souverain*, т.к. помимо присутствия в нем всех перечисленных сем только у него встречаются синонимы *monarque* (монарх), *roi* (король), *empereur* (император). Заметим, что именно *souverain* используется в произведении «Иван Грозный» профессиональной французской переводчицы и писательницы Моник Лашер: «*ce souverain-là n'est plus le serviteur de Dieu...*» [19, p. 85] (буквально: «этот государь больше не слуга Божий...»).

В качестве следующего примера рассмотрим переводческий прием замены реалии реалией. Так, в произведении «Борис Годунов» автор пишет: «*Nomé successivement grand échanton, grand écuier*» [23, p. 119] («Начинал с низших должностей при дворе – рынды, кравчего» [7, с. 73]). Согласно Толковому словарю русского языка С.И. Ожегова, рында – воин царской придворной охраны в Московской Руси [5, с. 1021]. Данную общественно-политическую реалию Труайя перевел как *échanton*. Кравчий – боярин, ведающий царским столом в Московской Руси. У автора используется *écuier*. Однако, во французском языке смысл слов другой. *Échanton* – человек, который подает напитки королю или другим важным людям. *Écuier* имеет несколько значений – дворянин, который сопровождал рыцаря и нес его щит; молодой дворянин, который еще не прошел посвящение в рыцари; служащий, ухаживающий за конями короля. Следует подчеркнуть, что данный перевод является некорректным. Россия, в отличие от Франции, никогда не была королевством, со-

ответственно, королей в ней быть не могло. То же самое касается и лексемы *écuyer*. Рыцарями являлись представители военно-дворянского сословия эпохи феодализма в Западной Европе [5]. Более того, на основе приведенных определений становится видно, что французские аналоги указывают на более низкий статус служащего. Поэтому в дополнение к этим реалиям желательно либо добавить ссылки, поясняющие их отличия, либо применить другой переводческий прием.

А вот еще один пример неточного отражения реалии из того же произведения: «*Le nouveau venu*» [23] («Новоявленный самозванец» [7]). Самозванцем является человек, выдающий себя за другого человека, присвоив его имя [5]. Характерной чертой данного понятия является содержащаяся в нем негативная коннотация. Для передачи русской реалии автор использовал обобщающий аналог *le nouveau venu* (букв. «новопришедший»), которым неверно передается суть русской реалии. Французский вариант хоть и указывает на внезапно появившегося человека, но не имеет негативную коннотацию, что подтверждается лексическим разбором. В словаре Французской Академии приведены следующие синонимы этого словосочетания: *le nouvel arrivant* и *le nouveau débarqué* [14]. Выделенные в лексическом значении анализируемых единиц семы указаны в Табл. 2.

Таблица 2.

Семный состав лексико-семантической группы «*le nouveau venu*»

	Семы			Коннотации
	Недавно прибывший в какое-либо место	Незнакомец	Наивный человек	
<i>Le nouveau venu</i>	+	+	–	нейтральное
<i>Le nouveau débarqué</i>	+	–	+	разговорное; грубое
<i>Le nouvel arrivant</i>	+	–	–	нейтральное

Родовой семой в данном случае является «недавно прибывший в какое-либо место». Дифференциальной семой для словосочетания *le nouveau venu* будет «незнакомец». Напротив, в переносном значении выражения *le nouveau débarqué* присутствует сема «наи-

нный человек», и оно, в то же время, отличается своей стилистической отнесенностью, имея коннотации «разговорное и грубое». *Le nouvel arrivant* в этой группе выделяется наличием наименьшего количества сем. Соответственно, вариант А. Труайя является лишь приблизительным описанием, обозначающим некоего пришельца.

Содержание русского существительного могло бы излагаться с помощью слов «*imposteur, menteur, trompeur*», – которые означают «лжец, обманщик». Семы, составляющие лексическое значение слова «самозванец» содержатся и в некоторых перечисленных выше синонимах, что делает их близкими по смыслу. В табл. 3 представлен семный состав реалии самозванец и предлагаемых вариантов ее перевода, а также сравнение с вариантом автора.

Таблица 3.

Семный состав лексико-семантической группы «самозванец»

	Семы					
	Обман	Привычка обманывать	Введение в заблуждение	Обман внешним видом	Выдача себя за другого человека	Присвоение имени или звания другого человека
Самозванец	+	–	+	+	+	+
Imposteur	+	–	+	+	+	+
Menteur	+	+	+	–	–	–
Trompeur	+	–	+	–	–	–
Le nouveau venu	–	–	–	–	–	–

Из Табл. 3 следует, что родовыми семами выступают «обман» и «введение в заблуждение». Интересующее нас значение отражено в дифференциальных семах «обман внешним видом», «выдача себя за другого человека», «присвоение имени или звания другого человека», характерных для лексем «самозванец» и «*imposteur*», что делает их смысловыми эквивалентами. Напротив, словосочетание *le nouveau venu* не обладает ни одним из выделенных смысловых признаков.

Именно *imposteur* встречается у некоторых франкоязычных авторов, затрагивающих в своих произведениях российскую историю. Среди них, например, Владимир Волкофф, французский перевод-

чик, писатель и автор многочисленных романов, посвященных русской истории, который в одном из своих произведений пишет: «*je ne crois pas que ce soit un imposteur. Je croirais plutôt que c'est lui, mon fils...*» [24, р. 163] (букв. «я не думаю, что он самозванец. Это, скорее всего, мой сын...»). В качестве еще одного примера можно привести предложение из сборника Ю.М. Лотмана и Б.А. Успенского, переведенного на французский язык: «*faux-tsar (non authentique, c'est-à-dire imposteur...)*» [21, р. 361] (букв. «ложный царь, ненастоящий, т.е. самозванец»). На основе приведенных выше примеров можно утверждать, что вариант А. Труайя в данном случае является не подходящим.

Известно, что самым «успешным» среди русских самозванцев можно считать Лжедмитрия I, выдававшего себя за царевича Дмитрия, сына Ивана Грозного. В произведении о нем говорится следующим образом: «*l'identité du prétendu Dmitri*» («личность Лжедмитрия»; букв. «личность мнимого Дмитрия»). В этом случае автор прибегает к описанию, хотя само русское понятие имеет во французском языке свой постоянный эквивалент, используемый также другими авторами: «*un faux Dmitri*» [24]; «*le faux Dimitri*» [18]. Единственную проблему, по-видимому, составляет транскрипция русских собственных имен, т.к. у трех авторов можно увидеть три разных варианта.

Известны также случаи, когда русские реалии уже закреплены во французских словарях. Так, в оригинале встречается словосочетание «*les règles d'un oukase*» [23] («правила, закрепленные в специальном указе»). По данным толкового словаря французского языка, существительным «*oukase*» (или «*ukase*») обозначается постановление царя в России [20, р. 724]. Вероятно, что данная единица выбрана автором как наиболее точное соответствие. Согласно словарю Французской Академии, лексема *oukase* имеет следующие значения [14, р. 284]:

- *Dans la Russie impériale, édit promulgué par le tsar* (букв. постановление царя в царской России).
- *Dans la Russie soviétique, décret du présidium du Soviet suprême* (букв. указ Президиума Верховного Совета СССР).

- *Décret pris par le président de la Fédération de Russie* (букв. указ президента Российской Федерации).
- *Ordre impératif, décision arbitraire et sans appel* (букв. обязательный приказ; неоспоримое решение).

Однако, вопрос о том, понятно ли данное слово французскому читателю, остается открытым, т.к. оно является заимствованным из русского языка. В связи с этим одними из возможных вариантов, которые излагали бы содержание понятнее, являются словосочетания «*les règles d'un décret*» или «*les règles d'un édit*» (букв. «правила, закрепленные в декрете, постановлении»), в которых используются одобренные Французской Академией обобщенные аналоги *édit* и *décret*.

Отличительной чертой художественных произведений А. Труайя является то, что в качестве характерных стилистических приемов в них выступают русизмы (слова, образованные с помощью транскрипции), благодаря которым во французских текстах сохраняются ценности и традиции русского языка, культуры и истории. Необходимо отметить, что в большинстве случаев сохранение в тексте русского понятия сопровождается описательным переводом, с помощью которого расширяется компонентный состав предложения, изменяется его структурно-грамматическая организация и минимизируется недопонимание [11].

Примером такого перевода можно считать следующее предложение: «*De nombreux passages du fameux «ménagier», le Domostroï*» [23] («Многие положения знаменитого Домостроя»). Домострой представлял собой свод правил благочестия, в которых указаны нормы поведения в семейной, религиозной и общественной жизни, а также охватывает вопросы хозяйственных взаимоотношений. В тексте романа название данной общественно-политической реалии переводится транскрипцией, причем объясняется, что «Домострой» – это «*ménagier*», т.е. некое руководство. Более близкими по смыслу аналогами были бы словосочетания «*recueil de conseils*» или «*liste des règles*» (букв. «список правил, сборник указаний», т.к. во французском обществе понятие «*Le Ménagier*» связано с известным сред-

невековым руководством 1393 г. (полное название: «*Le Ménagier de Paris*»), автором которого является неизвестный парижский буржуа, посвятивший данную работу своей молодой жене. В руководстве содержатся различные религиозные и нравственные наставления, нормы поведения в браке, советы по ведению домашнего хозяйства, многочисленные и очень подробные кулинарные рецепты и т.п. [12]. Таким образом, оба произведения хоть и включают в себя определенные правила поведения, но существенно отличаются в целевой аудитории. Упомянутое А. Труайя руководство носит бытовой характер и обращено именно к женщинам и будущим женам, в то время как Домострой регулирует нормы поведения во всех сферах жизнедеятельности и касается не только женщин, но и мужчин, и даже детей.

Русизм используется и в следующем предложении: «*Un conseil d'un type nouveau, l'Isbrannaïa Rada (le Conseil choisi), composé de membres de la noblesse et du clergé*» [23, p. 149] («Избранная рада»). При переводе данной реалии было употреблено несколько переводческих приемов. Автор сначала использует лексическое добавление, способствующее лучшему пониманию русской реалии [4]. Затем употребляет транскрипцию в сочетании с калькированием («*l'Isbrannaïa Rada*» = «*le Conseil choisi*»). В конце предложения А. Труайя прибегает к описательному переводу, с помощью которого читателю объясняется, что это новый тип совета: («*un conseil d'un type nouveau*»), состоящий из представителей дворянства и духовенства («*composé de membres de la noblesse et du clergé*»). Пример употребления русизма без дополнительных переводческих приемов дан в следующем абзаце.

Одной из реформ Избранной рады стало создание Земского собора, высшего законосовещательного органа Русского государства в XVI–XVII вв., куда входили все сословия кроме крестьян. В произведении об этом написано таким образом: «*La réunion du Zemski Sobor*» («созвать Земский собор»). Общественно-политическая реалия в оригинале переводится транскрипцией без последующего объяснения, что значительно затрудняет восприятие материала французским читателем, незнакомым с русской историей.

Еще одним интересным примером употребления русизмов является следующая пара предложений: «*Composer le Tsarski Soudiebnik (Code tsarien de 1550) en remplacement du Kniajeski Soudiebnik de son grand-père Ivan III, datant de 1497*» [23, p. 163] («Написание Судебника, который должен заменить Судебник его деда Ивана III от 1497 года»). Судебник Ивана Грозного являлся единственным источником права, который был утвержден первым на Руси Земским собором. Судебник 1497 г. представлял собой сборник законов Русского государства во время правления деда Ивана Грозного. Во французском произведении употребляется описательный перевод в сочетании с транскрипцией, объясняющий, что «*Tsarski Soudiebnik*» – это свод правил царя 1550 г. (*Code tsarien de 1550*), и именно он заместил «*Kniajeski Soudiebnik*» Ивана III Васильевича, который действовал ранее. Необходимо подчеркнуть, что во французском оригинале Судебник 1497 г. называется «Княжеским Судебником», что нехарактерно для российской исторической науки. Данное название используется А. Труайя в связи с титулом «Великий князь» Ивана III, чей внук Иван IV Грозный впоследствии стал первым венчанным царем *за всю историю России (откуда: «Царский Судебник»)* [6].

В ходе данной работы было проанализировано более 50 реалий, на основе чего можно заключить, что наиболее часто в произведениях А. Труайя использовался смешанный перевод (37%), т.е. комбинации различных приемов. Следует отметить, что из всех смешанных переводов 63% составили транскрипции в сочетании с описательным переводом, а транскрипции с приблизительным переводом и транскрипции с семантическим неологизмом (когда основа реалии была переведена транскрипцией, но в то же время она приобрела типичные черты принимающего языка) – по 19%. Из всех рассмотренных реалий 27% были переведены только транскрипцией. Для передачи остальных реалий автор использовал приблизительный перевод в тех случаях, когда в принимающем языке уже существовали подобные единицы, которые могли приблизительно передать их значение (11%); описательный перевод, когда

конкретный смысл излагался в примечаниях (7%); калькирование (5%) или замену реалии реалией (3%). Иногда реалия исходного языка совсем отсутствовала (3%). Подробная диаграмма распределения переводческих приемов представлена ниже.

Рис. 1. Распределение переводческих приемов в текстах А. Труайя

Несмотря на большой опыт А. Труайя в публицистической деятельности, некоторые реалии во французском тексте соответствуют оригинальным только частично, и, таким образом, французский читатель смог бы понять их лишь приблизительно. Мы полагаем, что использование русизмов должно сопровождаться дополнительными комментариями, подстрочными примечаниями и т.п. С другой стороны, множество сносок мешает плавному чтению литературного текста. В этой связи необходимо чередовать употребление русизмов с другими переводческими приемами. Данная статья содержит ряд примеров корректного перевода характерных для русской истории XV–XVI вв. реалий без использования транскрипции и показывает их преимущество перед вариантами, использованными у А. Труайя. Приведенные словосочетания призваны помочь переводчикам при работе с историческими текстами.

Список литературы

1. Быстрой Е.Б., Власенко О.Н., Дорохова Е.Ю., Ружина Л.В. Особенности перевода безэквивалентной лексики как составляющей социокультурной компетенции // Вестник ЮУрГГПУ. 2018. №5. С. 39–49.
2. Влахов С.И., Флорин С.П. Непереводимое в переводе. М.: РВалент, 2012. 408 с.
3. Гак В.Г., Григорьев Б.Б. Теория и практика перевода. Французский язык. М.: Интердиалект+, 1999. 456 с.
4. Надеждина Н.Г., Юдина О.А. Переводческие трансформации и приемы перевода. Н. Новгород.: ННГАСУ, 2015. 28 с.
5. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: около 100000 слов, терминов и фразеологических выражений. М.: АСТ, 2017. 1360 с.
6. Савинов А.В. Иван Грозный. М.: Ашетт Коллекция, 2012. 48 с.
7. Труайя А. Борис Годунов. СПб.: Амфора, 2015. 224 с.
8. Труайя А. Иван Грозный. СПб.: Амфора, 2015. 222 с.
9. Турсунов Ф.М. Реалии – специфическая составляющая безэквивалентной лексики // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Гуманитарные науки. 2015. № 2. С. 162–167.
10. Федоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). М.: Филология ТРИ, 2002. 416 с.
11. Черноситова Т.Л., Евтух У.М. Способы преодоления лексико-семантической безэквивалентности в текстах «русских фресок» Анри Труайя // Молодой ученый. 2014. № 16. С. 192–194.
12. Bascou-Bance P. La mémoire des femmes: anthologie. Bordeaux: ELYTIS, 2002. 575 p.
13. Chen B., Liang L., Cui P., Dunlap S. The priming effect of translation equivalents across languages for concrete and abstract words // Acta psychologica. 2014. Vol 153. pp. 147-152. doi: 10.1016/j.actpsy.2014.10.004
14. Dictionnaire de l'Académie française. 9e édition. Paris: Fayard, 2011. 628 p.
15. Dupuis H. Dictionnaire des synonymes et des antonymes. Québec: FIDES, 1963. 607 p.

16. Hartmann R.R.K. The not so harmless drudgery of finding translation equivalents // *Language & Communication*. 1990. Vol. 10, pp. 47–55. doi: 10.1016/0271-5309(90)90023-5
17. House J. Text and context in translation // *Journal of Pragmatics*. 2006. Vol. 38, pp. 338–358. doi: 10.1016/j.pragma.2005.06.021
18. Ingerflom C. *Le tsar c'est moi*. Paris: PUF, 2015. 520 p.
19. Lachère M. *Ivan le Terrible*. Lausanne: L'âge d'homme, 1997. 103 p.
20. *Le petit Larousse illustré*. Paris: Larousse, 2011. 1811 p.
21. Lotman Yu.M., Uspenskiy B.A. *Sémiotique de la culture russe*. Lausanne: L'âge d'homme, 1990. 516 p.
22. Shiryayeva V., Badea G.L. The Role of Context in Defining Romanian Equivalents for Russian Terms in the Theory of Translation // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2013. Vol. 92, pp. 874–879. doi: 10.1016/j.sbspro.2013.08.769
23. Troyat H. *La Grande Histoire des Tsars*. Paris: Omnibus, 2009. 928 p.
24. Volkoff V. *Les faux tsars*. Paris: Éditions de Fallois, 1992. 495 p.

References

1. Bystray E.B., Vlasenko O.N., Dorokhova E.Yu., Ruzhina L.V. Osobenno-sti perevoda bezjektivivalentnoj leksiki kak sostavljajushhej sociokul'turnoj kompetencii [Translation features of nonequivalent vocabulary as part of sociocultural competence]. *Vestnik YuUrGGPU*, no 5. 2018, pp. 39–49.
2. Vlahov S.I., Florin S.P. *Neperevodimoe v perevode* [Untranslatable in translation]. Moscow: R. Valent, 2012. 408 p.
3. Gak V.G., Griror'ev B.B. *Teoriya i praktika perevoda. Frantsuzskiy yazyk* [Translation theory and practice. French language]. Moscow: Interdialekt +, 1999. 456 p.
4. Nadezhdina N.G., Yudina O.A. *Perevodcheskie transformatsii i priemy perevoda* [Translation transformations and translation techniques]. Nizhny Novgorod.: NNGASU, 2015. 28 p.
5. Ozhegov S.I. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: okolo 100 000 slov, terminov i frazeologicheskix vyrazheniy* [Explanatory dictionary of the Russian language: about 100,000 words, terms and phraseological expressions]. Moscow: AST, 2017. 1360 p.

6. Savinov A.V. *Ivan Groznyy* [Ivan the Terrible]. Moscow: Ashett Kollekt-siya, 2012. 48 p.
7. Truayya A. *Boris Godunov* [Boris Godunov]. St. Petersburg: Amfora, 2015. 224 p.
8. Truayya A. *Ivan Groznyy* [Ivan the Terrible]. St. Petersburg: Amfora, 2015. 222 p.
9. Tursunov F.M. *Realii – specificheskaja sostavljajushhaja bezjektivnoy leksiki* [Realia as a specific component of nonequivalent vocabulary]. Uchenye zapiski Khudzhandskogo gosudarstvennogo universiteta im. akademika B. Gafurova. Gumanitarnye nauki, no 2. 2015, pp. 162–167.
10. Fedorov A.V. *Osnovy obshchey teorii perevoda (lingvisticheskie problemy)* [Fundamentals of the general theory of translation (linguistic problems)]. Moscow: Filologiya TRI, 2002. 416 p.
11. Chernositova T.L., Evtukh U.M. Sposoby preodoleniya leksiko-semanticheskoy bezektivnosti v tekstakh «russkikh fresok» Anri Truayya [Ways to overcome the lexico-semantic structure of nonequivalent vocabulary in the russian texts of Henry Troyat]. *Molodoy uchenyy*, no 16. 2014, pp. 192–194.
12. Bascou-Bance P. *La mémoire des femmes: anthologie*. Bordeaux: ELYTIS, 2002. 575 p.
13. Chen B., Liang L., Cui P., Dunlap S. The priming effect of translation equivalents across languages for concrete and abstract words. *Acta psychologica*. 2014. Vol 153, pp. 147–152. doi: 10.1016/j.actpsy.2014.10.004
14. Dictionnaire de l'Académie française. 9e édition. Paris: Fayard, 2011. 628 p.
15. Dupuis H. *Dictionnaire des synonymes et des antonymes*. Québec: FIDES, 1963. 607 p.
16. Hartmann R.R.K. The not so harmless drudgery of finding translation equivalents. *Language & Communication*. 1990. Vol. 10, pp. 47–55. doi: 10.1016/0271-5309(90)90023-5
17. House J. Text and context in translation. *Journal of Pragmatics*. 2006. Vol. 38, pp. 338–358. doi: 10.1016/j.pragma.2005.06.021
18. Ingerflom C. *Le tsar c'est moi*. Paris: PUF, 2015. 520 p.

19. Lachère M. Ivan le Terrible. Lausanne: L'âge d'homme, 1997. 103 p.
20. Le petit Larousse illustré. Paris: Larousse, 2011. 1811 p.
21. Lotman Yu.M., Uspenskiy B.A. Sémiotique de la culture russe. Lausanne: L'âge d'homme, 1990. 516 p.
22. Shiryayeva V., Badea G.L. The Role of Context in Defining Romanian Equivalents for Russian Terms in the Theory of Translation. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2013. Vol. 92, pp. 874–879. doi: 10.1016/j.sbspro.2013.08.769
23. Troyat H. La Grande Histoire des Tsars. Paris: Omnibus, 2009. 928 p.
24. Volkoff V. Les faux tsars. Paris: Éditions de Fallois, 1992. 495 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Садивова Наталия, студентка второго курса магистратуры филологического факультета (кафедра иностранных языков)
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, г. Москва, 117198, Российская Федерация
natalia.sadivova@gmail.com

DATA ABOUT THE AUTHOR

Sadivova Natalia, Second Degree Student of the Faculty of Philology
(Department of Foreign Languages)
RUDN University
6, Miklukho-Maklaya Str., Moscow, 117198, Russian Federation
natalia.sadivova@gmail.com
ORCID: 0000-0002-2946-0743